

РОССИЯ В ВОЙНАХ И РЕВОЛЮЦИЯХ XX ВЕКА

А. А. Иванов

Александр Иванович Дубровин в период Первой мировой войны и революции 1917 года

Биография и политическая деятельность Александра Ивановича Дубровина (1855–1921), основателя и первого руководителя крупнейшей дореволюционной монархической организации — Союза русского народа (СРН), изучены лишь фрагментарно. Подробной биографии политика, имя которого когда-то знала вся Россия, еще нет, а немногочисленные научные публикации, касающиеся его жизни, взглядов и деятельности, уделяют последним годам политической активности Дубровина значительно меньше внимания, чем довоенному периоду. В научно-популярном очерке о Дубровине, написанном А. Д. Степановым, периоду Первой мировой войны посвящены несколько абзацев, преимущественно затрагивающих участие политика в совещаниях правых деятелей и подготовке всероссийского монархического съезда, и еще меньше места уделено событиям февраля 1917 г. в жизни вождя черной сотни¹. В работе Д. И. Стогова основное внимание обращается на те же темы, хотя некоторые сюжеты из биографии Дубровина периода 1914–1917 гг. затронуты более подробно (например, конфликт политика с начальником Петроградского военного округа Н. Е. Тумановым²). В статье В. Г. Макарова, предваряющей публикацию следственного дела Дубровина³, этот период из жизни правого политика практически обойден. Специальных же исследовательских работ, посвященных этому периоду в жизни Дубровина, историками пока не создано, что неудивительно, поскольку пик политической активности Дубровина пришелся на 1905–1910 гг., а затем она стремительно пошла на спад. Бывший в годы

Иванов
Андрей
Александрович
д-р ист. наук, проф.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Первой российской революции авторитетным вождем всего черносотенного движения, основателем и общепризнанным лидером СРН, Дубровин в предвоенные годы уже практически выпал из большой политики, превратившись в вожака крайне правого сегмента русского монархического движения, конфликтующего не только с врагами царского самодержавия, но и с правительственною бюрократией и с недавними союзниками по черносотенному лагерю — большинством лидеров более умеренных правых партий и союзов. Влияние Дубровина на политическую жизнь страны заметно упало, соответственно, упало и внимание к его личности прессы и общества. В связи с этим целью данной статьи является реконструкция деятельности Дубровина в последние годы царской России и введение в научный оборот новых источников, позволяющих расширить представление об этом правом политику и его взглядах в указанный период.

Накануне Первой мировой войны Дубровин, являвшийся в то время председателем зарегистрированного им в 1912 г. Всероссийского Дубровинского Союза русского народа (ВДСРН) и издателем черносотенной газеты «Русское знамя», большую часть времени проводил не в столице империи, а в имении жены, расположеннном в Орловской губернии⁴. Его собственный доходный дом в Петербурге⁵, в котором со дня основания и до 1909 г. располагались Главный совет СРН (Измайловский полк, 4-я рота, д. 6), а также редакция газеты «Русское знамя», был продан в 1912 г. С этого времени Дубровин, бывая в столице, жил в квартире на Воскресенской набережной в доме 30, принадлежавшем его сподвижнице Е. А. Полубояриновой⁶. «В это время, — вспоминал он, — у нас была куплена усадьба в Орловской губернии для больной жены и больного сына. Я сам был болен и хотел тоже туда поехать и там жить»⁷.

Небольшое имение в Орловском уезде, площадью чуть более 58 дес., было приобретено супругой Дубровина через Дворянский банк в ноябре 1910 г. у помещицы В. А. Берниковой⁸. Тогда в одних газетах поползли слухи, что черносотенный вождь решил оставить политическую деятельность, прекратить издание «Русского знамени» и уйти на покой⁹, а в других — что он приобрел себе земельный ценз в Орловской губернии, чтобы баллотироваться от нее в IV Государственную думу. Но Дубровин последнее предположение решительно опроверг. «Вы поверили сплетне о приобретении мною земельного ценза, — писал

А. Дубровинъ.

Александр Иванович Дубровин
(1855–1921)

Источник: Государственный архив
Российской Федерации (ГАРФ).
Ф. 1742. Оп. 1. Д. 51471

он в письме депутату А. И. Савенко. — Никаких имений я не покупал, а купила моя жена старую усадьбу, разоренную, с 58 десятинами, в Орловской губ. и сделала это единственно для того, чтобы иметь уединенный уголок. Кроме того, я раз и навсегда заявил, что в Думу не пойду, что вам известно лучше, чем кому-либо, потому что я в беседе с вами в прошлом году лично высказал свои взгляды¹⁰. Политическую и издательскую деятельность Дубровин также не оставил, но стал уделять ей гораздо меньше времени и внимания. С 1912 г., сообщал Дубровин во время допроса в ВЧК, он «совершенно отстранился от политической деятельности и почти все время жил в Орловской губернии в своей семье»¹¹.

О том, что политик предпочел столичному Петербургу жизнь в провинции, было хорошо известно современникам. Показательно в этом плане сфабрикованное от его имени письмо, посланное императору Николаю II за несколько месяцев до начала войны. В письме, отправленном монарху с нарушением всех правил с вокзала г. Орла в Ливадию 27 апреля 1914 г., давались советы, целью которых, вероятно, было дискредитировать в его глазах вождя черной сотни. Хотя данный текст не имел никакого отношения к Дубровину, позволим кратко остановиться на нем, поскольку в архивной описи дело озаглавлено «Письмо черносотенца Александра Дубровина к царю». Кроме того, этот документ наглядно показывает, как распространялись инсинуации в отношении Дубровина. Псевдо-Дубровин, начав с заверения в любви и преданности к монарху, просил внимательно отнестись к его верноподданныческим советам, которые могут спасти и прославить самодержца. Автор письма писал, что, несмотря на видимость успокоения, положение России опасное, «министры зарвались», «в военном отношении Россия совершенно неподготовлена» и при «первых внешних осложнениях и неудачах революция вновь может загореться»¹². Убеждая монарха, что за все ошибки правительства винят лично его, что он уже «страшно непопулярен» в народе, псевдо-Дубровин напоминал Николаю II судьбу французского короля. Сообщив царю, что его «политическая окраска» вполне совпадает со взглядами монарха («я тоже крайний реакционер, человек истинно русский, поклонник твердой власти, способный быть в нужных условиях беспощадным усмирителем бунтов»), «Дубровин» набивался к императору в друзья, просил сделать его статс-секретарем и настоятельно требовал воплощения в жизнь следующей программы: увеличения ассигнований на военные нужды и на создание сильного флота; сохранения корректного отношения к Государственной думе; успокоения страны путем повсеместной отмены положения об усиленной охране, дарования свобод союзам, обществам и земствам; обращения особого внимания на дело народного образования; призывал стремиться во внешней политике к миру и «действовать в тесном союзе с Францией и Англией, не прислушиваясь к нашептываниям германского императора»; в качестве самой неотложной меры он настаивал на немедленном удалении от престола Г. Е. Распутина¹³. Очевидно, что большую часть содержащихся в письме советов Дубровин просто не мог бы выдвинуть в силу принципиально иных взглядов на Государственную думу, политические свободы, внешнеполитическую ориентацию России. Однако фальшивку выдает не только

это. Сочинявший письмо явно не знал того, что Дубровин ранее неоднократно встречался с царем, а потому никак не мог написать тому, что видел его «в щелочку, издали»¹⁴. Да и при необходимости добиться свидания с монархом вождь черносотенцев наверняка нашел бы более подобающий способ, чем посыпать письмо с вокзала, не указывая даже обратного адреса. Это поняли и власти. Дворцовый комендант В. Н. Воейков велел установить личность автора письма, однако расследование, проведенное МВД, никаких результатов не дало¹⁵.

Война с Германией застала Дубровина в орловском поместье. Позже, на допросах в 1920 г., Дубровин показывал, что в Петрограде в период войны он бывал лишь наездами на неделю-две, останавливаясь в своей квартире, приставшей все остальное время¹⁶. Однако удаленность от имперской столицы и существенное снижение уровня политической активности не помешали Дубровину стать в период 1914–1917 гг. героям нескольких громких политических скандалов и участником важных для правого лагеря событий.

Войну Дубровин встретил без энтузиазма и радужных надежд. В отличие от политиков, увлеченных панславистскими идеями, лидер ВДСРН считал целесообразным сохранение если не дружеских, то как минимум конструктивных отношений с кайзеровской Германией. До войны издаваемое им «Русское знамя» неоднократно обращало внимание на опасность увлечения славянскими делами, выступало категорически против сближения с Великобританией и подчеркивало необходимость мирного сосуществования России и Германии. Дубровинский орган неоднократно писал о кайзере как о «честном представителе германского национализма», монархе, который сумел «пристраниить» оппозиционные силы в своей стране, проводнике монархических и патриотических начал¹⁷. (Особенно примечательна в этом плане посвященная Вильгельму II статья «Новый черносотенец»¹⁸.) Война близких по политическому устройству и тесно связанных между собой экономическими связями держав виделась Дубровину и его единомышленникам как трагедия, чреватая, помимо прочих бед, новым революционным взрывом. «На войну смотрел как на несчастье, на меня объявление войны как громом ударило, помню, что говорил, как вынесем все это, чем кончится гроза, это несчастье для России», — вспоминал Дубровин¹⁹.

Однако, являясь верноподданным русского царя, Дубровин с первых же дней войны занял однозначную патриотическую позицию. Откликаясь на царский манифест о начале войны с Германией, дубровинское «Русское знамя» заявляло: «Великий подвиг, возложенный на наше отчество, — смирить зазнавшуюся германскую расу и освободить Европу от немецкой угрозы — начался. <...> Для народа сейчас перспектива яснее ясного — надо “бить взбунтовавшегося немца и покорить его, супостата, под нози Русского Царя”. <...> Трепещи, немец, дрожи! — твой час пробил: ты сам пошел навстречу гибели. Русский витязь сбросит твой труп в ту же яму, где покоятся трупы половцев, печенегов, хазар, татар, Турции, Польши и всех, кто поднимался на землю — носительницу истинной веры Христовой»²⁰. Дубровин призвал членов ВДСРН организовать сбор средств на нужды войны, указывая: «[Пришло время] удесятерить свои усилия и осуществить помощь Отечеству в более широких размерах, сообразно тем новым тяготам, которые выпали на долю Святой нашей Родины»²¹. Однако,

несмотря на патриотический пафос подавляющего большинства статей, размещавшихся на страницах «Русского знамени», и многочисленные публикации с обличениями германизма, немцев и лично кайзера, издателю газеты не удалось избежать обвинений в германофильстве и намеков на предательство.

Поводом для этих обвинений, посыпавшихся как из рога изобилия со страниц либеральных изданий, стали две неоднозначные публикации «Русского знамени» вышедшие в самом начале войны, к которым Дубровин, судя по всему, вообще не имел никакого отношения. Первая из них была написана Н. Кривским (псевдоним известного черносотенца Н. Н. Жеденова²²), а вторая — редактором «Русского знамени» Ф. Д. Клюевым²³. В обеих статьях осуждалась германская агрессия, но в первой предпринимались попытки показать, что Вильгельм II вовсе не безумец, каким его стали дружно изображать с началом войны практически все газеты, а умный и одаренный монарх, много сделавший для блага немцев, а во второй выражался решительный протест против появившихся в некоторых российских либеральных изданиях призывов уничтожить династию Гогенцоллернов. «Все, что писалось на страницах “Русского знамени” о значении Германии как оплота монархизма и патриотизма, о необходимости учиться у нее и подражать в ее умении воспитания народа в духе любви к отечеству и преданности монарху, все это излагалось только по глубокому нашему убеждению в правильности этих взглядов, составляющих программу Всероссийского [Дубровинского] Союза русского народа, вестником которого является “Русское знамя”. Мы... заявляем: Россия должна бороться с излишеством германской мощи, против злоупотреблений ею и против ее чрезмерного и опасного увеличения, но отнюдь не против идеи монархизма, ни против идеи патриотизма, питомником которых является Германия, ни с Гогенцоллернской династией, как носительницей и насадительницей этих высоких для человечества принципов», — заключал редактор «Русского знамени»²⁴.

Эти публикации дали политическим противникам правых повод обвинить их в германофильстве, симпатиях к врагу, стремлении к сепаратному миру и едва ли не в государственной измене. Поскольку статьи появились на страницах «Русского знамени», их инспиратором был объявлен издатель газеты Дубровин. Рупор ВДСРН стали язвительно именовать «Прусским знаменем»²⁵, а главным германофилом «назначили» издателя газеты и лидера союза Дубровина; его и руководителя СРН и лидера думских правых Н. Е. Маркова стали называть «вождями истинно-prusских»²⁶. Даже умеренно правое «Новое время» атtestовало Дубровина «гнусным германофилом»²⁷, а либеральный «Южный край» вслед за прогрессистским «Утром России», не стесняясь в выражениях, утверждал, что дубровинская «погромная газета», «оправдывая немецкие зверства», тайно служит Германии, а потому не будет удивительным, если «корректурные гранки статей д-ра Дубровина» найдут среди бумаг разгромленного германского посольства²⁸. Дошло до того, что «Общество 1914 года», поставившее своей целью активную борьбу с «немецким засильем», приняло решение занести Дубровина на «черную доску» позора и довести об этом до сведения Англии²⁹. На собрании Московского славянского комитета кадет Е. А. Ефимовский и вовсе заявил, что «дубровинский орган выступает с тре-

бованием немедленного заключения мира с Германией, необходимого для ее спасения»³⁰. О том же со страниц весьма умеренного «Киевлянина» писал националист А. И. Савенко: «[Дубровин] недоумевает, из-за чего мы воюем с германцами и австрийцами, решительно требует прекращения войны и заключения мира»³¹. Причины этого явления публицист желал видеть «в рабской психологии» Дубровина, «неудержимо влекущей рабов к ползанию на брюхе перед всем сильным». «“Политический идеал” Дубровиных сводится, в конце концов, исключительно к тому, чтобы “ездить в морду”, “согнуть в бараний рог” и т. д., — рассуждал Савенко. — И потому, когда германцы разрушили Лувен и перерезали его население, когда они уничтожили Реймский собор и т. д., г. Дубровин пришел в восторг: “вот это, мол, настоящие люди и настоящая культура!”»³² Несколько не стесняясь столь смелых умозаключений, Савенко заключал: приходится ожидать, что Дубровин и дубровинцы вскоре объяют требование сепаратного мира с Германией проявлением истинного патриотизма, поскольку придут к убеждению, что «война пойдет на погибель России, а потому надо скорее прекратить ее и заключить мир»³³. К нападкам на Дубровина подключился даже В. В. Шульгин, назвавший вождя ВДСРН «дворянином прусского двора»³⁴. Впрочем, осуждали Дубровина за появление данных статей в «Русском знамени» и некоторые правые монархисты, считая их как минимум несвоевременными и бес tactными³⁵. Но, как отмечали «Московские ведомости», данная «нелепая выходка д-ра Дубровина» не определяла позиции «Русского знамени», которое «сто раз уже отреклось от таких мнений и германофильства своего ни в чем больше не проявляло»³⁶. Защитить Дубровина также пыталась марковская «Земщина» (тоже, заметим, недовольная тем, какой резонанс произвели в обществе эти публикации), указывая, что издатель «Русского знамени» в 1914 г. совершенно не занимался газетой, поскольку lechился от своих многочисленных недугов в деревне³⁷.

Замечание «Земщины» было справедливым. Дубровин, как отмечалось выше, проживая вдали от Петрограда, действительно отстранился от работы в «Русском знамени». Перестав редактировать газету с 1912 г., Дубровин сохранил за собой лишь пост ее издателя, да и то, похоже, формально. Реальным издателем газеты стала ближайшая его сподвижница Е. А. Полубояринова, в доме которой располагалась редакция газеты и благодаря финансовой поддержке которой «Русское знамя» продолжало выходить в свет. Подтверждал это и сам Дубровин, свидетельствуя, что газету он вел только до 1912 г. и после переезда в Орловскую губернию практически передал ее своим единомышленникам. «Я оставался фиктивным издателем», — признавался лидер ВДСРН, поясняя свое согласие оставаться формальным главой газеты тем, чтобы его детище не смогли подчинить себе его политические противники из монархического лагеря³⁸. Однако формально именно Дубровин оставался издателем газеты, а значит, продолжал нести за нее ответственность. Показательно, что в 1915 г. сподвижник Дубровина Н. Н. Жеденов обвинил издателя «Русского знамени» в «плохом ведении газеты». Заявив, что он был вынужден прекратить с ней сотрудничество, Жеденов указывал, что вместо того, чтобы развивать издание, Дубровин тратит немалые деньги, выделяемые Полубояриновой,

на «свои личные аппетиты»³⁹ и позволяет себе месяцами не появляться в редакции, заставляя редактора газеты ждать, «когда же благорассудиться г. издателю возвратиться из имения»⁴⁰.

То, что Дубровин запустил газету, отмечали многие. В последние годы своего существования «Русское знамя» фактически было отдано на откуп группе весьма радикально настроенных дубровинцев, стараниями которых издание окончательно маргинализировалось. Редакторы часто менялись (за годы войны их было четверо), а градус антисемитизма, и без того всегда бывший высоким, стал просто зашкаливать. Последнее обстоятельство стало причиной очередного скандала, в котором оказался замешан Дубровин. С февраля 1916 г. на первой странице «Русского знамени» появились аншлаги, содержащие евангельские тексты, обличающие иудеев, и 11-е правила Трулльского собора, запрещающее православным христианам вступать в содружество с ними, принимать у иудеев врачебную помощь и совместно с ними посещать баню. Военная цензура решила принять меры против «Русского знамени», публикации которого по еврейскому вопросу были признаны «нежелательными на время войны», поскольку они «могут вызвать возбуждение одной части населения против другой, русских же подданных, но иной национальности или вероисповедания»⁴¹. Последовавшие репрессии вынудили Дубровина в марте 1916 г. обратиться к начальнику штаба Петроградского военного округа генерал-майору М. И. Тяжельникову с жалобой на действия военной цензуры. Тяжельников перенаправил издателя «Русского знамени» непосредственно к начальнику военного округа князю Н. Е. Туманову, но состоявшаяся 28 марта встреча обернулась скандалом⁴². Выслушав объяснения Дубровина, Туманов обвинил издателя газеты в «травле евреев» и назвал помещаемые им на первой странице аншлаги «бессмысленными». Когда Дубровин возразил, заметив, что аншлаг является дословным воспроизведением правила Вселенского собора, князь раздраженно бросил: «Что Вы мне старую рухлянь тычете!»⁴³ На возражения Дубровина, что постановления Вселенских соборов являются обязательными для христиан, начальник Петроградского военного округа вспылил еще больше и закричал: «Вон, вон отсюда немедленно»⁴⁴. Ответив, что ему не оставляют иного выхода, Дубровин вышел. Комментируя случившееся, политик писал: «Эпизод скверный, чересчур выходящий из рамок малейшего понятия о приличии, недопустимый со стороны человека, занимающего высокий, а следовательно, и ответственный пост»⁴⁵. При этом Дубровин дал случившемуся весьма примечательную трактовку: «[Вот] что могут позволять себе лица, облеченные высшей властью, с людьми, отдавшимися всецело служению Родине и ее историческим началам, что могут ожидать все, дерзающие быть патриотами, если я, их председатель, подвергся такому невообразимому позору»⁴⁶.

Однако на этом история не закончилась. На следующий день к Дубровину приехал генерал Тяжельников, бывший свидетелем этой неприятной сцены, и заявил, что князь извиняется за свою грубость. Отметив, что оскорбление, нанесенное ему при свидетелях, «слишком тяжело», Дубровин подчеркнул, что не может считать переданные через посредника извинения удовлетворительными, но по «личным соображениям» все же их принимает. При этом лидер

ВДСРН заметил, что он уже оповестил о поступке Туманова отделы возглавляемого им союза, но просил их не предавать инцидент гласности, «дабы не давать левым злорадствовать над унижением правых и похваляться, что с ними допустить такое отношение не посмеют»⁴⁷.

В прессу этот инцидент действительно не попал⁴⁸, но отделы ВДСРН и близкая Дубровину по духу Астраханская народно-монархическая партия (АНМП) стали направлять телеграммы и письма протesta на имя гражданских и военных властей. В них отмечалось, что в лице Дубровина оскорбление было нанесено всему «отмеченному государем патриотическому союзу», всем православным верующим, что Туманов допустил «кощунственное издевательство над Православной церковью» и «поощрил» врагов православного царства⁴⁹. Лидер АНМП Н. Н. Тиханович-Савицкий отправил телеграмму председателю Совета министров, военному министру и министру Императорского двора, правым членам Государственного совета А. А. Бобринскому и И. Г. Щегловитову, а также лидерам правых в Государственной думе С. В. Левашеву и Н. Е. Маркову⁵⁰. Митрофано-Георгиевский Воронежский СРН (действовавший на правах воронежского отдела ВДСРН) в лице своего председателя и сподвижника Дубровина Р. М. Карцева направил главе правительства письмо, в котором обвинял Туманова в «поношении постановлений и правил Вселенских соборов как основ святой православной веры» и просил донести об этом до сведения императора⁵¹. Задаваясь вопросом, может ли Россия рассчитывать на помощь Божию в одолении врага, если ее высшие должностные лица допускают поношение веры, Карцев писал: «Не святоотеческие соборные постановления... пережившие века... могут угрожать государственному спокойствию и безопасности, как напрасно думает кн. Туманов, а такие, как он, заносчивые администраторы, которые, будучи носителями власти, позволяют себе оскорблять православные народные чувства и этим оскорблением вселяют в народное сознание пагубно-раздраженную мысль о недостойно власть носящих»⁵².

История эта тянулась до середины июня 1916 г. Изучать обстоятельства инцидента взялось Министерство внутренних дел. На вопрос Тяжельникова, чего добивается своими действиями Дубровин, последний ответил, что хочет моральной компенсации в виде помещения в официальной печати сообщения о состоявшемся в марте встрече и о том, что князь признает свое поведение грубым и унижающим, а посему выражает сожаление и просит принять извинение⁵³. Подчеркивая, что он не может вспоминать о случившемся «без содрогания», Дубровин заключал: «Его сиятельство князь Туманов страдает большим недостатком — несдержанностью. <...> Недостаток этот может послужить поводом к весьма печальным для князя последствиям, особенно на таком высоком посту. Во избежание могущих произойти крупных неприятностей князю не следовало бы оставаться на занимаемом им посту и вообще занимать высокие должности»⁵⁴. На этот раз победа осталась за Дубровиным. Председатель Совета министров и министр внутренних дел Б. В. Штюрмер в секретном письме начальнику штаба Верховного главнокомандующего генерал-адъютанту М. В. Алексееву сообщал о желательности изменения политики военной цензуры и замены князя Туманова другим лицом. При этом глава правительства

особо акцентировал внимание на столкновении Туманова с Дубровиным⁵⁵. В июне 1916 г. князь Туманов был заменен на посту командующего войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенантом С. С. Хабаловым⁵⁶.

Несмотря на то что Дубровин стал уделять «Русскому знамени» заметно меньше внимания, в годы войны он время от времени продолжал размещать на его страницах свои материалы. На допросе 1920 г., отвечая на вопрос, прекратил ли он во время войны публицистическую деятельность, Дубровин отвечал: «Нет, случалось, не раз писал»⁵⁷. Не считая коротких сообщений, объявлений, опровержений, приветственных телеграмм, верноподданныческих адресов, обращений к членам партии и неподписанных передовых статей, которые могли быть написаны Дубровиным, мы выявили, что за его подписью в годы войны в «Русском знамени» опубликованы лишь две публицистические статьи, причем обе увидели свет в 1916 г.⁵⁸ Поскольку ни одна из них не вошла в изданный в современной России сборник избранных статей Дубровина⁵⁹, кратко обозначим их содержание.

Статья «С чего начать?», вышедшая в условиях предпринятого Прогрессивным блоком «штурма власти», содержала «рецепт» выхода из политического кризиса. Касаясь назначения председателем Совета министров А. Ф. Трепова, Дубровин аттестовал его как «человека сильной воли, большой энергии, ясной мысли и испытанного патриота, словом, человека государственного дела» и лелеял надежду, что власть от слов начнет переходить к делу. В публикации выражалось негодование по поводу того, что Прогрессивный блок без всяких на то оснований заявил о наличии в правительстве течения, якобы работающего в пользу сепаратного мира. Отвергая такую возможность, Дубровин писал: «Это — вопиющая неправда. <...> Помышление о сепаратном мире... безумно. Судьбы России теснейше связаны с победой союзников над центральными государствами, и всякая попытка иного решения наших судеб повлечет за собой нашу немедленную гибель. <...> Те, кого обвиняют в стремлениях к сепаратному миру (обвиняют не только часть влиятельной бюрократии, но и правые политические круги), на самом деле пусть всякой иной напасти боятся этой»⁶⁰. Поэтому, заключал Дубровин, задачей правительства является обличить эту ложь и остановить либералов, «чудовищно-преступно подрывающих в стране доверие к законной ответственной власти». Требуя от правительства решительных мер, Дубровин указывал новому премьеру, что во время войны возможна единственная формула взаимоотношений власти и общества: власть «выслушивает и приказывает», а «граждане советуют (кому позволено советовать) и беспрекословно подчиняются». Если же правительство допустит, чтобы граждане не слушались власти и «покушались приказывать ей», страну ждет гибельная анархия. Поэтому, поучал автор статьи, правительство Трепова должно предельно твердо показать думской оппозиции, что оно есть настоящая власть, а если думское большинство не подчинится, то продолжать работу с такой «подгнившей» и вступившей на путь «крамольной интриги» Думой нет никакого смысла. «Блок должен убедиться, что ладить с ним во что бы то ни стало — не поставлено ни основной и никакой вообще задачей правительству; что основной задачей является достижение скорейшей и решительнейшей по-

беды над врагом; что не будет допущено ни малейшего заслонения интересов той великой и единой спасительной для России цели — целями побочными, паразитно пристегиваемыми к первой, и что с людьми, не способными проникнуться всепоглощающим первенством великой цели, правительству нет времени разговаривать. Такая постановка вопроса об отношениях власти, думы и “общественности” будет, на мой скромный взгляд, началом дела, обеспечивающим добрую половину успеха в задаче, возложенной на нового главу правительства», — заключал Дубровин⁶¹.

Вторая статья, увидевшая свет меньше чем через две недели после первой, развивала тот же посыл. Откликаясь на ноябрьские выступления деятелей оппозиции в Думе, Дубровин с негодованием отмечал, что вместо помочи правительству «в продуманной мысли» думское большинство пытается диктовать ему свою волю, а вместо помочи в работе, направленной на оборону государства, занимается формированием в стране революционного настроения. Обличая лидеров Прогрессивного блока и В. М. Пуришкевича, не желавших «понять правительства» и «отречься от своих преступных пополнений», издатель «Русского знамени» приходил к выводу, что Дума окончательно дискредитировала себя и, кроме как стремления ее «преступного и позорного большинства, одержимого легионом бесов», к захвату власти, ждать ничего не приходится. А потому власть, пока не поздно, должна «стряхнуть» «этих вредителей» и твердо повести государственный корабль к победе. «Работать под командой законного правительства не желают — вон их! Если, убравшись, они не оставят кознодействия и будут посеять недоверие к законной власти — под арест до окончания войны! Режим этим арестантам можно назначить генеральский, но до конца войны они должны быть совершеннейше лишены общения с внешним миром и друг с другом», — указывал Дубровин⁶². Поэтому, заключал правый политик, правительство должно проявить твердую власть: всенародно изобличить «зарвавшихся супостатов», с трибуны Таврического дворца разъяснить причины, побудившие его отказаться от услуг «народного представительства», и распустить Думу до окончания войны. Вывод из статьи был следующим: «Недопустимая тяжба худших граждан с властью слишком уж что-то затянулась. <...> Пора ликвидировать тяжбу, слишком заметно перешедшую в лихорадочную подготовку ужасной революции. Знамя борьбы с властью, поднятое 1 ноября милоковцами, в ноябре же должно быть и растоптано»⁶³.

Проявляя воинственность и бодрость духа в публичных выступлениях, Дубровин вместе с тем тяжело переживал отношение к нему представителей правительственнои власти. Обращаясь в частном письме к монархисту И. И. Дудниченко, вождь ВДСРН сетовал: «Подумываем прекратить “Русское знамя”. Все взвешено и обдумано. Хочется сбросить с себя костюм Дон Кихота. Что там ни говорите, а мы, в сущности, все Дон Кихоты; играем вничью и служим мишенью как для левых, так и для властей предержащих. С нами не считаются, а когда нужны, пальчиком поманят, и мы тут как тут. Ведь не зря же бывший министр [Н. А.] Маклаков нахально выразился насчет меня: “Ну что с ним считаться и обращать на него внимание, ведь это что кавалерийская хорошо

обученная лошадь: заслышит рожок и тотчас же займет свое место". <...> Развал идет гигантскими шагами. И вряд ли удастся что-либо предупредить или устраниТЬ, — нельзя быть роялистом больше короля»⁶⁴. Как справедливо отмечал Ю. И. Кирьянов, судя по личным письмам, у Дубровина «временами наступали минуты отчаяния»⁶⁵. «Я вполне понимаю, что у вас опускаются руки и является желание бросить все и предоставить врагам добиваться их целей, — писал Дубровину видный деятель правого движения К. Н. Пасхалов в феврале 1916 г. — Но вспомните, что мы защищаем не человека, который не понимает, где опасность и где избавление, а идею, великую государственную идею, погибель которой погубит мир»⁶⁶.

Следуя этому совету, Дубровин, помимо издательской и публицистической деятельности, не оставлял в годы войны и партийно-политическую работу. Самыми значимыми ее направлениями в этот период стали его попытки сплотить монархические силы. Отмечая 20 сентября 1915 г. в одном из частных писем, что «обстоятельства все более и более осложняются, и, кажется, близки уличные выступления», Дубровин призывал своих соратников готовиться «для оказания сопротивления преступному натиску»⁶⁷. Лидер ВДСРН взял курс на сближение со своим недавним политическим соперником, вождем СРН Н. Е. Марковым, которого еще совсем недавно «Русское знамя» обвиняло в измене монархическим принципам, конституционизме, парламентаризме и соглашательстве с бюрократией. Однако наличие общих врагов, нарастание революционной ситуации, а также происходившее во время войны сближение позиций по основным политическим вопросам толкали обоих лидеров черной сотни к сотрудничеству. 21–23 ноября 1915 г. Дубровин принял участие в организованном Марковым и его сторонниками монархическом совещании в Петрограде⁶⁸, на котором был избран в Совет монархических съездов. Товарищ министра внутренних дел С. П. Белецкий утверждал, что именно им и главой МВД А. Н. Хвостовым, чтобы избежать раздоров на съезде, было устроено примирение Дубровина с Марковым⁶⁹. На одном из заседаний вчерашние соперники демонстративно обменялись рукопожатием⁷⁰. В свою очередь, Марков был приглашен на проходившее 26–29 ноября в Нижнем Новгороде совещание монархистов, почетным председателем которого был Дубровин. Лидер ВДСРН, приветствуя участников совещания, произнес небольшую речь, в которой призвал собравшихся монархистов дать отпор «врагам внешним и внутренним». Ознакомив делегатов с решениями международной социалистической конференции в Циммервальде, Дубровин особо подчеркнул, что левые силы стремятся разжечь гражданскую войну внутри страны, и призвал съезд не верить даже тем русским социал-демократам, которые заняли оборонческую позицию. Политик также обратил внимание на то, что враги монархии есть и среди министров, но бороться с ними — задача власти, «поставленной свыше». «Обратим внимание на наши задачи: нам предстоит бороться с улицей и на улице. Вот когда враги наши выйдут на улицы, тогда настанет и наше время», — резюмировал Дубровин⁷¹. Как отмечал сотрудник Департамента полиции, «Дубровин призывал забыть личные счеты, объединиться и бороться с надвигающейся смутою»⁷². По итогам совещания Дубровин был

избран председателем Президиума монархического движения, состоявшего из его сторонников. Совещания показали схожесть позиций Дубровина и Маркова по основным вопросам текущей политической жизни и способствовали дальнейшему сближению правых политиков. В 1916 г. «Русское знамя», долгое время враждовавшее с марковской «Земщиной», стало перепечатывать материалы этой правой газеты, давать объявления о подписке на нее и помещать комплиментарные отклики на деятельность Маркова и его сподвижников в Государственной думе. Дубровин подписал совместное с Марковым заявление против участия черносотенцев в съезде, который готовил в 1916 г. основавший Отечественный патриотический союз В. Г. Орлов⁷³. Знаменитая речь Маркова, произнесенная в Государственной думе 22 ноября 1916 г.⁷⁴, была не только поддержана «Русским знаменем», но и полностью опубликована в дубровинской газете. Вместе с Марковым Дубровин предпринимал шаги для созыва всероссийского монархического съезда, призванного сплотить все правые силы⁷⁵. За три недели до начала Февральской революции, 1 февраля 1917 г., произошла встреча двух вождей, ознаменовавшая полное их примирение. Дубровин, исполняя возложенное на него поручение московских монархистов, передал Маркову складень с образом Николая Чудотворца и адрес, отметив, что делает это с удовольствием, и сердечно пожелал руководителю СРН «так же твердо и мужественно впредь отстаивать исконные наши заветы, не страшась злых сил не только всемирного кагала, но и самого ада, памятуя, что в правде — Бог»⁷⁶.

Однако активизация политической деятельности Дубровина привела к очередному громкому скандалу. В декабре оппозиционная печать разразилась сенсацией: редактор «Журнала журналов» И. М. Васильевский, известный под псевдонимом Не-Буква, поведал столичным газетам о заговоре против лидера кадетской партии и Прогрессивного блока П. Н. Милюкова, организатором которого был назван Дубровин. Васильевский сообщал, что к нему явился «постоянный сотрудник „Русского знамени“» Сергей Прохожий (С. И. Гуцулло), заявивший, что Дубровин 18 ноября 1916 г. поручил ему убить Милюкова. В присутствии свидетелей визитер рассказал, что убийство вождя российских либералов должно было стать ответом на его нашумевшую думскую речь 1 ноября 1916 г., прозванную современниками «штурмовым сигналом революции». Гуцулло сообщил, что на эту цель ему было выдано лично Дубровиным 300 руб., предоставлен план квартиры Милюкова, указана чайная СРН напротив, из которой «удобно стрелять», а также намечены пути отхода проходными дворами. На вопрос Гуцулло об ответственности Дубровин, якобы рассмеявшись, сказал: «Не больше, чем за Герценштейна и Иоллоса и прочую сволочь. А если сумеете... скрыться, то совершенно останетесь в тени, и о вас буду знать только я один»⁷⁷. Однако на вопрос о доказательствах, которые могли бы подтвердить правдивость этого рассказа, Гуцулло ответил: «Какие же тут возможны доказательства? Такие поручения даются только с глаза на глаз»⁷⁸.

Спустя неделю «Журнал журналов» опубликовал письмо и «исповедь» Гуцулло, в которых тот подробно рассказывал о своем черносотенном прошлом, участии в одесской боевой дружины, сотрудничестве с «Русским знаменем»

и о своем конечном «прозрении», заставившем его порвать с правыми и поведать обществу о кровожадных планах вождя ВДСРН. И «письмо», и «исповедь» были написаны в крайне пафосном тоне. «Я открыто заявляю, что г. Дубровин сделал мне предложение “убрать” вредного для России г. Милюкова, — писал Гуцулло. — Что мне остается делать? Исполнить этого я не могу и не хочу! Отказ от предложения — это моя смерть! <...> Согласись я на предложение г. Дубровина — я также осужден на смерть. <...> Бежать прочь, — но куда я могу убежать от Дубровина? Меня схватят его сообщники, а там и похоронят, как умершего от неизвестной причины»⁷⁹. «Исповедь», написанная с неменьшим пафосом, заканчивалась следующими словами: «Я всенародно заявляю и подписью своей свидетельствую, что г. Дубровин очастливили меня… почетным предложением убрать крамольника, во имя лучших заветов союза, убить, как врага церкви и России… Я чувствую, что уже этим признанием осужден на смерть. Гг. Дубровины не щадят “изменников”. Но не все ли равно, позже или раньше умереть? Ведь, и доставив удовольствие г. Дубровину, также ждать пощады не приходится. <...> Кто может бросить обвинение против Александра Ивановича Дубровина? Какой суд его в силах судить, и какой обвиняемый в клевете доживет до суда? Но пусть мой голос и Бог-свидетель будут судьями моей совести, моей деятельности. Лучше бежать прочь от него с успокоенной совестью, чем быть исполнителем его “приговоров”. Сергей Прохожий, — больше не слуга г. Дубровина, не сотрудник его газеты. И если мне суждено умереть ради предупреждения другого, то пусть моя смерть сопричтется к сонму тех, кто лег во славу девизов союза в погромные дни, во имя лучшего будущего России и всех живущих в ней племен и народов»⁸⁰.

Оппозиционная печать постаралась предать признаниям Прохожего-Гуцулло максимальную огласку. Вновь заговорили об убийствах М. Я. Герценштейна (1906) и Г. Б. Иоллоса (1907), в организации которых в свое время также подозревали Дубровина. Милюков заявил, что относится к разоблачениям Гуцулло вполне серьезно, так как после своей нашумевшей речи стал получать анонимные угрозы и замечать следящих за ним подозрительных личностей⁸¹. Будучи допрошенным в качестве «потерпевшего», Милюков подтвердил свои опасения и заверил следователя, что находится в списке лиц, «подлежащих устраниению», со времен Первой российской революции⁸². Началось следствие, и оппозиционная пресса предвкушала, что со дня на день Дубровин будет обвинен в организации убийства. Правая же печать указывала на всю несерьезность обвинений, считая, что показания Гуцулло были обусловлены личной местью (перед своими разоблачениями он безуспешно просил у Дубровина денег), а последующая антидубровинская кампания была устроена с целью оклеветать вождя черной сотни, сделать рекламу Милюкову и увеличить число подписчиков «Журнала журналов». К тому же никаким «постоянным сотрудником» «Русского знамени» Гуцулло не был, являясь лишь одним из авторов этой газеты в период с 1910 по 1914 г.⁸³ В рассматриваемый период он стал писать для поддерживавшего Прогрессивный блок «Вечернего времени», но «почему-то» либеральная пресса не стала акцентировать на этом внимания. Дубровин же заверял, что весь его разговор с Гуцулло, неожиданно заявив-

шегося к нему прямо из действующей армии в солдатской шинели, свелся к просьбам последнего дать ему денег в качестве аванса за будущие статьи, но, поскольку финансовой частью газеты заведовала Полубояринова, издатель направил просителя к ней, после чего его никогда более не видел и никаких сношений с ним не имел⁸⁴.

Вскоре и следствие пришло к выводу, что за голословными обвинениями Гуцулло не стоит никаких фактов. Накануне революции, 21 февраля 1917 г., газеты сообщали, что после очередного допроса следователь распорядился проинформировать психиатрическое освидетельствование Гуцулло. И. о. прокурора петроградской судебной палаты Н. А. Громов, ставший свидетелем допроса Гуцулло, вынес впечатление, что тот «больной человек»⁸⁵. Выяснилось, что Гуцулло посещал супругу Милюкова и также просил у нее денежную помощь. Таким образом, план милюковской квартиры был известен Гуцулло и без Дубровина, который едва ли мог располагать такими сведениями⁸⁶. Из материалов следственного дела видно, что Гуцулло, перед тем как предложить свою «исповедь» печати, в частных разговорах сперва сообщал секретарю «Нового журнала для всех» С. А. Зусеру (будущему советскому историку и археологу) о готовящемся убийстве председателя Государственной думы М. В. Родзянко, а затем уже небескорыстно (за 100 руб.) передал свои откровения Василевскому, причем просил последнего взять его в штат сотрудников⁸⁷. Органы прокурорского надзора, не найдя никаких оснований для задержания Дубровина, разрешили последнему выехать из Петрограда в имение жены⁸⁸. Следствие, затянувшееся до Февральской революции, так ничем и не закончилось⁸⁹. Установить или опровергнуть наличие у Дубровина преступного замысла оно так и не смогло.

Революционные события февраля 1917 г. застали Дубровина в Петрограде. «[Я] только что вернулся из деревни, чтобы проводить сына на войну, ехал на фронт, обратно в деревню хотел ехать, — вспоминал политик. — Если [революция произошла бы] на неделю-две позже, то застала бы в деревне, так как в марте я хотел быть в деревне»⁹⁰. В результате Дубровин был арестован новой властью одним из первых — 28 февраля 1917 г. — и доставлен в штаб революции — Таврический дворец⁹¹. Фоторепортер журнала «Огонек» запечатлел арестованного Дубровина, сидящего с задумчивым видом на диване в министерском павильоне Государственной думы, временно превращенном в место лишения свободы для «агентов старой власти»⁹². Тут Дубровин оказался в компании многих бывших министров и высокопоставленных сановников. «Здесь помещены: Щегловитов, Штурмер, Горемыкин, Макаров, Дубровин... Все сидят взорь. Впереди, развалившись в кресле, старый Горемыкин, с сигарой в зубах, тихо разговаривает со Штурмером... Штурмер сидит у письменного стола, перебирая какие-то бумаги. Vis-à-vis — Макаров. Несколько поодаль мрачно дремлет, развалившись на диване, Дубровин»⁹³. Вскоре Дубровина перевели в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Как сообщали газеты, правый политик выражал недоумение, на каком основании он, человек преклонного возраста (ему шел 62-й год), подвергся крепостному заключению. «Мне осталось немного жить, — сетовал Дубровин. — Не понимаю, кому я, больной старик, опасен?»⁹⁴

Невозвратное время.

Старинный романсь въ исполнении д-ра Дубровина и городового.

Карикатура на Дубровина периода Февральской революции. «Невозвратное время. Старинный романс в исполнении д-ра Дубровина и городового»

Источник: Петроградский листок. 1917. № 92. 16 апр. С. 4

По распоряжению Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (ЧСК ВП) 20 апреля были произведены вскрытие кабинета Дубровина, обыск на его квартире и изъятие документов, представлявших интерес для следствия⁹⁵. На протяжении трех месяцев Дубровин томился в крепостном каземате. Все это время столичные газеты красочно описывали многочленные преступления, организатором которых называли Дубровина: убийства оппозиционных депутатов Государственной думы М. Я. Герценштейна, Г. Б. Иоллоса, А. Л. Караваева и покушение на С. Ю. Витте. Доходило и до совсем нелепых «разоблачений». Так, «Петроградская газета» утверждала, что во время войны с Германией Дубровин «посыпал верноподданнические телеграммы в Берлин, где живет “опора самодержавия”»⁹⁶. Попытки Дубровина остановить поток обвинений в свой адрес не увенчались успехом. На его протест, направленный в ЧСК ВП, последняя сообщила заключенному, что опровержение частных газетных заметок не входит в ее обязанности⁹⁷.

О жизни Дубровина в заключении и его взглядах на происходившие события, известно совсем немного. Газеты сообщали, что, когда комендант крепости обошел узников, чтобы сообщить им весть об отречении Николая II от престола, Дубровин воскликнул: «Неужели так скоро отрекся?»⁹⁸ Секретарь ЧСК ВП поэт А. А. Блок оставил 28 мая 1917 г. в своей записной книжке следующий отзыв о бывшем вожде черной сотни: «Дубровин, всхлипнувший и бросившийся целовать руку [председателя ЧСК ВП] Муравьева, — потом с рыданием упал на койку (гнусные глаза у старика)...»⁹⁹.

В тюрьме и без того слабое здоровье Дубровина сильно пошатнулось. В мае 1917 г. министр юстиции П. Н. Переверзев предложил коменданту Петропавловской крепости перевести страдающего от многочисленных недугов заключенного в лазарет или больницу при условии нахождения его под стражей¹⁰⁰. Известно, что в июне режим содержания Дубровина был смягчен — его перевели на офицерскую гауптвахту¹⁰¹; в том же месяце было выпущено распоряжение министра о помещении его в больницу¹⁰². Летом Дубровин ходатайствовал об освобождении из-под стражи из-за обострившихся заболеваний. На запрос министерства юстиции ЧСК ВП сообщила, что даже если Дубровин будет обвинен в причастности к конкретным преступлениям, то мерой пресечения вряд ли будет избрано содержание под стражей¹⁰³. Однако и это обстоятельство не привело к освобождению бывшего политика. Так как Дубровин был арестован внесудебным порядком, возник вопрос о законности его содержания под стражей без предъявления ему конкретных обвинений. Но из-за того, что в отношении Дубровина еще с 1910 г. тянулось дело по обвинению его как редактора и издателя «Русского знамени» в публикации клеветы по адресу смоленских евреев Пинкус и Блюменштейна, обвиненных в истязании христианского младенца в религиозных целях¹⁰⁴, и в сентябре 1914 г. по делу был вынесен приговор о заключении виновника в тюрьму на четыре месяца, необходимость обсуждать освобождение Дубровина отпала¹⁰⁵. 9 августа Дубровин был препровожден в Петроградскую одиночную тюрьму для отбытия наказания по приговору Смоленского окружного суда¹⁰⁶. Какой именно срок должен был отбывать Дубровин, оставалось неясным, так как в ходе революции многие документы погибли, и прокурор Петроградского окружного суда безуспешно пытался выяснить как именно следует исчислять заключенному срок наказания¹⁰⁷. В итоге было решено, что в связи с постановлением Временного правительства от 17 марта, облегчившим участь осужденных¹⁰⁸, срок тюремного заключения Дубровина должен составлять два месяца¹⁰⁹. Из переписки различных ведомств следует, что Дубровин в сентябре был переведен с офицерской гауптвахты в Петроградский городской арестный дом на Казачьем плацу (наб. р. Монастырки)¹¹⁰.

Между тем проблемы со здоровьем усилились, и в начале октября Дубровин возбудил перед Министерством юстиции ходатайство об освобождении, поскольку никаких конкретных обвинений ему так и не было предъявлено. Как сообщали газеты, медицинский осмотр заключенного подтвердил, что его дальнейшее содержание под стражей «безусловно опасно для жизни»¹¹¹. Новый министр юстиции А. А. Демьянов сделал запрос в ЧСК ВП о возможности

освобождения Дубровина, но выяснилось, что политик был взят под стражу не по ее распоряжению и, следовательно, «вопрос об освобождении его комиссии не касается»¹¹². Тем не менее, как сообщали газеты 14 октября, по ходатайству племянницы Дубровина последний министр юстиции Временного правительства меньшевик П. Н. Малянтович разрешил освободить бывшего вождя черной сотни под залог в 3 тыс. руб.¹¹³ В итоге 2 ноября 1917 г., когда установленный в ходе Февральской революции режим уже рухнул, а новой большевистской власти было совсем не до Дубровина, решением анонимного чиновника внесудебной комиссии Министерства юстиции черносотенный вождь был освобожден. Остановившись с женой на несколько дней в одной из петроградских гостиниц, Дубровин вскоре покинул столицу и перебрался к старшему сыну в Москву, окончательно выпав из поля зрения общественного внимания. Опасения нового ареста, а затем и продолжительная болезнь, приковавшая его к постели, привели к тому, что долгое время Дубровин вовсе не выходил из дома¹¹⁴ и в период Гражданской войны совершенно не участвовал в политике. Однако полный отказ от политической деятельности и от борьбы с большевиками, лояльность советской власти и желание тихо и мирно доживать свою жизнь, работая рядовым врачом в одном из советских медицинских учреждений, не спасли бывшего вождя черной сотни от новых преследований и расправы. После ареста большевиками в 1920 г. Дубровин тщетно взывал к тому, что проведенное ЧСК ВП расследование так и не смогло доказать его причастность к уголовным преступлениям, что он стар и болен и единственное, о чем он просит, — дать ему возможность трудиться врачом советской амбулатории¹¹⁵. В отличие от ЧСК ВП, стремившейся доказать вину Дубровина, советские чекисты такой задачи перед собой не ставили, приговорив «матерого черносотенца» к смерти за «организацию до революции убийств, погромов, инсинуаций, подлогов» и стремление «всей своей деятельностью задушить освобождение России»¹¹⁶. Дата приведения приговора в исполнение до сих пор неизвестна, но вполне возможно, что расстрелян Дубровин был 14 апреля 1921 г., когда президиум ВЧК вынес окончательное решение о его казни. Лишь 7 сентября 1998 г. в числе лиц, осужденных по решению внесудебных органов, Дубровин был реабилитирован решением Генеральной прокуратуры РФ¹¹⁷.

¹ Степанов А.Д. Русский Гарибальди. Александр Иванович Дубровин (1855–1921) // Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. СПб., 2015. С. 84–86.

² Стогов Д.И. Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию. М., 2012. С. 71–72.

³ Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин) / публ. В. Г. Макарова // Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг.: сб. ст. / под ред. Д. Б. Павлова. М., 2010. С. 84–95.

⁴ Там же. С. 96, 130.

⁵ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 513. Оп. 22. Д. 480.

⁶ Подробнее см.: Иванов А.А. «Черносотенные» адреса Петербурга: по следам русских правых организаций начала XX века // Россия на переломе: войны, революции, реформы. XX век: сб. ст. / отв. ред. М. В. Ходяков; отв. сост. А. А. Иванов. СПб., 2018. С. 46–47, 52.

⁷ Приговоренный к расстрелу дважды. С. 130.

- ⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 593. Оп. 14. Д. 2451. Л. 1–2, 8.
- ⁹ Телеграммы наших корреспондентов // Южный край. 1911. № 10231. 2 марта. С. 3; Новости дня // Там же. № 10234. 5 марта. С. 4.
- ¹⁰ Савенко А. И. Заметки. МXXXVII // Киевлянин. 1911. № 13. 13 янв. С. 2.
- ¹¹ Приговоренный к расстрелу дважды. С. 104.
- ¹² РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 175. Л. 233.
- ¹³ Там же. Л. 233–238.
- ¹⁴ Там же. Л. 233 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 240–299.
- ¹⁶ Приговоренный к расстрелу дважды. С. 130.
- ¹⁷ См., напр.: Д. А. Германия и мы // Русское знамя. 1908. № 194. 28 авг. С. 1.
- ¹⁸ Дрозд-Бонячевский В. Новый черносотенец // Русское знамя. 1910. № 191. 25 авг. С. 1.
- ¹⁹ Приговоренный к расстрелу дважды. С. 130.
- ²⁰ Великий акт, величайшие слова // Русское знамя. 1914. № 164. 22 июля. С. 1.
- ²¹ Правые партии: документы и материалы: в 2 т. / сост., вступ. ст., comment. Ю. И. Кирьянова. Т. 2: 1911–1917 годы. М., 1998. С. 436.
- ²² РГИА. Ф. 786. Оп. 1. Д. 276–277.
- ²³ Кривский Н. Откуда злоба? // Русское знамя. 1914. № 178. 9 авг. С. 2–3; [Клюев Ф. Д.] Враги Отечества // Там же. № 220. 30 сент. С. 2–3.
- ²⁴ [Клюев Ф. Д.] Враги Отечества. С. 3.
- ²⁵ Глинка С. Тактика демократов // Земщина. 1916. № 2392. 23 июня. С. 3.
- ²⁶ Суражеский А. Английский сэр и курский джентльмен // Южный край. 1914. № 12464. 31 дек. С. 5.
- ²⁷ Среди газет и журналов // Новое время. 1916. № 14526. 14 (27) авг. С. 4.
- ²⁸ Кондоров И. Германофильская позиция «Русского знамени» и «Земщины» // Южный край. 1914. № 12223. 19 авг. С. 3.
- ²⁹ Марков Н. Е. Обществу недоносков 1914 года // Земщина. 1916. № 2443. 17 авг. С. 2.
- ³⁰ Клевета д-ра Дубровина на русский народ // Голос Москвы. 1914. № 233. 10 окт. С. 5.
- ³¹ Савенко А. И. Мысли и впечатления. Проклятый мир // Киевлянин. 1914. № 279. 9 окт. С. 1.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. С. 3.
- ³⁴ Шульгин В. В. Дворянин фон-Павлов // Киевлянин. 1915. № 337. 7 дек. С. 2.
- ³⁵ См., напр.: Обозреватель: 1) Среди газет // Московские ведомости. 1915. № 268. 20 нояб. С. 1; 2) Среди газет // Там же. № 270. 24 ноября. С. 2–3; Прогрессист (без кавычек). Интриги и гримасы «парламента» // Там же. 1916. № 29. 6 февр. С. 3–4; Стогов Д. И. Русская правая периодическая печать в годы Первой мировой войны // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 4, № 1. С. 103.
- ³⁶ Обозреватель. Среди газет // Московские ведомости. 1915. № 270. 24 нояб. С. 3.
- ³⁷ Бессилие злобы // Земщина. 1915. № 2200. 27 нояб. С. 3.
- ³⁸ Приговоренный к расстрелу дважды. С. 103.
- ³⁹ Оправдывая это обвинение, Е. А. Полубояринова писала: «Издатель (т. е. Дубровин — А. И.) с самого начала моего участия в делах газеты совершенно отклонил от себя всякое материальное заведование по газете, а предоставил его исключительно мне; я же, заведя кассой, знаю, на что идет не только каждый рубль, но даже каждая копейка» (Русское знамя. 1915. № 188. 28 авг. С. 1).
- ⁴⁰ Публичное самооплевание // Гроза. 1915. № 670. 27 авг. С. 2.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 2174. Л. 145.
- ⁴² Данный инцидент кратко освещался в справочной статье о «Русском знамени» (Степанов А. Д. «Русское знамя» // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. М., 2008. С. 464), однако его датировка содержала неточность. Конфликт между Дубровиным и Тумановым произошел не в 1915 г., как указано в статье, а в 1916 г. Такая же ошибка содержится в публикации Ю. И. Кирьянова (Правые в 1915 — февраль 1917).

По перлюстрированным Департаментом полиции письмам / публ. Ю. И. Кирьянова // Минувшее. 1993. Т. 14. С. 190). Причина неточности — ошибка в датировке при публикации справки Департамента полиции об этом инциденте в сборнике документов СРН (Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М., 1929. С. 130). На данное обстоятельство ранее обратил внимание Д. И. Стогов (*Стогов Д. И. Черносотенцы. С. 72–74*), осветивший этот сюжет по другому источнику (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 113).

⁴³ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 2174. Л. 164–164 об.

⁴⁴ Там же. Л. 164 об.

⁴⁵ Там же. Л. 162.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Л. 164 об. — 165.

⁴⁸ В связи с этим трудно согласиться с мнением Д. И. Стогова, что данный инцидент имел широкий общественный резонанс. (*Стогов Д. И. Черносотенцы. С. 72*).

⁴⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 2174. Л. 158, 168.

⁵⁰ Там же. Л. 157.

⁵¹ *Стогов Д. И. Черносотенцы. С. 73*.

⁵² Там же. С. 73–74.

⁵³ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 2174. Л. 162, 165 об. — 166.

⁵⁴ Там же. Л. 162, 167.

⁵⁵ Там же. Л. 163.

⁵⁶ От штаба Верховного главнокомандующего // Русский инвалид. 1916. № 159.

16 июня. С. 1.

⁵⁷ Приговоренный к расстрелу дважды. С. 130.

⁵⁸ Дубровин А. И.: 1) С чего начать? // Русское знамя. 1916. № 245. 12 нояб. С. 1; 2) Власть и «они» // Там же. № 253. 23 нояб. С. 2.

⁵⁹ Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы / сост., предисл., коммент. Д. И. Стогов. М., 2011.

⁶⁰ Дубровин А. И. С чего начать? С. 1.

⁶¹ Там же.

⁶² Дубровин А. И. Власть и «они». С. 2.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Правые партии: документы и материалы. Т. 2. С. 537–538.

⁶⁵ Правые в 1915 — феврале 1917. С. 156–157.

⁶⁶ Там же. С. 183–184.

⁶⁷ Правые партии: документы и материалы. Т. 2. С. 466.

⁶⁸ Совещание монархистов 21–23 ноября 1915 г. в Петрограде: постановления и краткий отчет. М., 1915.

⁶⁹ Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / под ред. П. Е. Щеголева. Т. 4. Л., 1925. С. 129.

⁷⁰ Степанов С. А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М., 2013. С. 519.

⁷¹ Труды Всероссийского монархического совещания в г. Н. Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916. С. 32.

⁷² Союз русского народа. С. 345.

⁷³ От совета монархических съездов // Русское знамя. 1916. № 216. 7 окт. С. 1.

⁷⁴ Иванов А. А. Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб., 2023. С. 391–403.

⁷⁵ Среди крайних правых // Киевлянин. 1916. № 275. 4 окт. С. 3.

⁷⁶ По Союзу // Русское знамя. 1917. № 27. 2 февр. С. 2.

⁷⁷ К делу Сергея Прохорежего // Южный край. 1916. № 13741. 5 дек. С. 2.

⁷⁸ Заговор на жизнь П. Н. Милюкова // Киевлянин. 1916. № 335. 3 дек. С. 1–2.

⁷⁹ Поручение убить П. Н. Милюкова. Письмо в редакцию «Журнала журналов» сотрудника «Русского знамени» г. Сергея Прохорежего // Журнал журналов. 1916. № 50. С. 4.

- ⁸⁰ Моя исповедь. Сообщение сотрудника «Русского знамени» Сергея Прохожего // Журнал журналов. 1916. № 50. С. 5–7.
- ⁸¹ К делу С. Прохожего // Киевлянин. 1917. № 15. 15 янв. С. 3; Об организации покушения на П. Н. Милюкова // День. 1917. № 48. 20 февр. С. 1.
- ⁸² ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 129. Л. 5.
- ⁸³ Гнусность продолжается // Русское знамя. 1916. № 263. 4 дек. С. 2.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ К покушению на П. Н. Милюкова // День. 1917. № 35. 6 февр. С. 3.
- ⁸⁶ К делу С. Прохожего // Киевлянин. 1917. № 52. 21 февр. С. 3.
- ⁸⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 129. Л. 1 об., 3.
- ⁸⁸ Отъезд А. И. Дубровина // Петроградский листок. 1917. № 10. 11 янв. С. 4.
- ⁸⁹ См. об этом: *Деревнина Е. А. Судебные дела, связанные с депутатами Государственной думы (по материалам ЦГИА СПб)* // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: в 2 ч. Ч. 2. СПб., 2014. С. 28–29.
- ⁹⁰ Приговоренный к расстрелу дважды. С. 130.
- ⁹¹ Степанов А.Д. Дубровин Александр Иванович // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 186.
- ⁹² Огонек. 1917. № 10. 19 марта. С. 15.
- ⁹³ Министры и сановники под арестом // Петроградская газета. 1917. № 55. 5 марта. С. 4.
- ⁹⁴ В Петропавловской крепости // Киевлянин. 1917. № 67. 8 марта. С. 3.
- ⁹⁵ Разные известия // Новое время. 1917. № 14757. 21 апр. (4 мая). С. 6.
- ⁹⁶ П. III. Черная сотня теперь и прежде // Петроградская газета. 1917. № 84. 12 апр. С. 2.
- ⁹⁷ Степанов А.Д. Дубровин Александр Иванович. С. 186.
- ⁹⁸ Как живут узники Петропавловской крепости // Петроградская газета. 1917. № 69. 22 марта. С. 3.
- ⁹⁹ Блок А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 350.
- ¹⁰⁰ Болезнь Вырубовой и Дубровина // Новое время. 1917. № 14790. 31 мая (13 июня). С. 6; Хроника // День. 1917. № 72. 31 мая. С. 4.
- ¹⁰¹ Степанов А.Д. Дубровин Александр Иванович. С. 186.
- ¹⁰² Освобождение Стишинского и Андроникова // Петроградская газета. 1917. № 142. 21 июня. С. 4.
- ¹⁰³ Степанов А.Д. Дубровин Александр Иванович. С. 186.
- ¹⁰⁴ Подробнее см.: Дело д-ра Дубровина // Киевлянин. 1913. № 344. 14 дек. С. 5; Союз русского народа. С. 375–376.
- ¹⁰⁵ В комиссии по внесудебным арестам // День. 1917. № 128. 6 авг. С. 3; Судебные вести // Новое время. 1917. № 14846. 6 (19) авг. С. 4.
- ¹⁰⁶ ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 2595. Л. 23, 27.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 24.
- ¹⁰⁸ Постановление предусматривало сокращение срока тюремного наказания наполовину (Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. Пг., 1917. С. 276).
- ¹⁰⁹ ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 2595. Л. 14.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 13, 17.
- ¹¹¹ Судебные вести // Новое время. 1917. № 14892. 8 (21) окт. С. 5.
- ¹¹² Дела старого строя // День. 1917. № 184. 8 окт. С. 5.
- ¹¹³ Разные известия // День. 1917. № 189. 14 окт. С. 5; Судебные вести // Новое время. 1917. № 14897. 14 (27 октября). С. 4.
- ¹¹⁴ Степанов А.Д. Дубровин Александр Иванович. С. 186.
- ¹¹⁵ Приговоренный к расстрелу дважды. С. 91.
- ¹¹⁶ Там же. С. 93, 142.
- ¹¹⁷ Там же. С. 95.

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2024 г.

Рекомендована к печати 15 января 2025 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Иванов А. А. Александр Иванович Дубровин в период Первой мировой войны и революции 1917 года // Новейшая история России. 2025. Т. 15, № 2. С. 272–293.
<https://doi.org/10.21638/spbu24.2025.201>

Аннотация: Статья посвящена наименее изученному периоду политической биографии одного из лидеров черной сотни, вождя Всероссийского Дубровинского Союза русского народа Александра Ивановича Дубровина (1855–1921). Историки правых партий Российской империи обычно обращаются к деятельности Дубровина в период ее расцвета, выпавшего на период Первой российской революции (1905–1907), или во время расколов в монархическом движении (1908–1912), при этом периоду Первой мировой войны и разразившейся в ходе нее Февральской революции уделяется значительно меньше внимания. Между тем последний период политической активности Дубровина представляет неменьший исследовательский интерес и нуждается в научном освещении для реконструкции целостной биографии этого правого политика. Статья основана на богатом источниковом материале (архивные документы, публикации периодической печати), значительная часть которого впервые вводится в научный оборот. Публикация обогащает историографию правого движения новыми сведениями, касающимися издательской, публицистической и личной жизни Дубровина в период с 1914 по 1917 г. В статье рассматриваются сюжеты, раскрывающие отношение Дубровина к войне, Германии, вопросам внутренней политики России, деятельности либерального лагеря и Государственной думы, задачам монархического движения. Значительное внимание уделено звучавшим в годы войны обвинениям в адрес Дубровина в германофильстве, пораженчестве, подготовке покушения на П. Н. Милюкова. Впервые подробно освещен период тюремного заключения Дубровина в 1917 г. Приведенные в статье новые факты, касающиеся биографии Дубровина, а также его оценки современниками, существенно расширяют представления о личности и деятельности этого крайне неоднозначного русского политика и дают ценный материал для дальнейшего изучения его биографии.

Ключевые слова: Александр Иванович Дубровин, Союз русского народа, черная сотня, черносотенцы, русские правые, монархисты, Первая мировая война, Февральская революция.

Сведения об авторе: Иванов Андрей Александрович — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); <https://orcid.org/0000-0001-6438-5200>, andrey.a.ivanov@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

FOR CITATION

Ivanov A. A. 'Alexander Ivanovich Dubrovin during the First World War and the Revolution of 1917', *Modern History of Russia*, vol. 15, no. 2, 2025, pp. 272–293.
<https://doi.org/10.21638/spbu24.2025.201> (In Russian)

Abstract: The article is devoted to the least studied period of the political biography of one of the leaders of the black hundred, the leader of the All-Russian Dubrovinsky Union of the Russian People Alexander Ivanovich Dubrovin (1855–1921). Historians of the right-wing parties of the Russian Empire usually turn to Dubrovin's activities during its heyday, which fell during the First Russian Revolution (1905–1907), or during the schisms in the monarchist movement (1908–1912), while much less attention is paid to the period of the First World War and the February Revolution that broke out during it. Meanwhile, the last period of Dubrovin's political activity is of no less research interest and needs scientific coverage to reconstruct the holistic biography of this right-wing politician. The article is based on a rich source material (archival documents, periodical publications), a significant part of which is being introduced into scientific circulation for the first time. The publication enriches the historiography of the right-wing movement with new information concerning the publishing, journalistic and personal life of Dubrovin during the period from 1914 to 1917. The article reveals Dubrovin's attitude to the war, Germany, issues of Russia's internal policy, the activities of the liberal camp and the State Duma, and the tasks of the monarchist

movement. Considerable attention is paid to the accusations made against Dubrovin during the war years of Germanophilia, defeatism, and the preparation of an assassination attempt on P. N. Milyukov. For the first time, the period of Dubrovin's imprisonment in 1917 is described in detail. The new facts presented in the article concerning Dubrovin's biography, as well as his assessment by contemporaries, significantly expand the understanding of the personality and activities of this extremely ambiguous Russian politician and provide valuable material for further study of his biography.

Keywords: Alexander Ivanovich Dubrovin, Union of the Russian People, black Hundred, Black Hundreds, Russian right-wingers, monarchists, World War I, February Revolution.

Author: Ivanov A.A. — Dr. Sci. in History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); <https://orcid.org/0000-0001-6438-5200>, andrey.a.ivanov@spbu.ru

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

References:

- Derevina E. A. 'Court cases related to deputies of the State Duma (based on the materials of the Central State Historical Archive of Saint Petersburg)', *Tavricheskie chteniiia 2013. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'*, in 2 parts, part 2, ed. by A. B. Nikolaev, pp. 28–30 (St. Petersburg, 2014). (In Russian)
- Ivanov A. A. "Black-Hundred" addresses of St. Petersburg: In the footsteps of the right-wing organizations of the early 20th century', *Rossiia na perelome: voiny, revoliutsii, reformy. XX vek*, ed. by M. V. Khodyakov, comp. by A. A. Ivanov, pp. 40–61 (St. Petersburg, 2018). (In Russian)
- Ivanov A. A. *The leader of the black reaction: Nikolai Evgenievich Markov* (St. Petersburg, 2023). (In Russian)
- Stepanov A. D. 'Dubrovin Alexander Ivanovich', *Chernaia sotnia. Istoricheskaiia entsiklopedia 1900–1917*, comp. by A. D. Stepanov, A. A. Ivanov, pp. 178–187 (Moscow, 2008). (In Russian)
- Stepanov A. D. 'Russian Garibaldi. Alexander Ivanovich Dubrovin (1855–1921)', *Pravaia Rossiia. Zhizneopisaniiia russkikh monarkhistov nachala XX veka*, pp. 84–86 (St. Petersburg, 2015). (In Russian)
- Stepanov A. D. 'Russkoe znamia', *Chernaia sotnia. Istoricheskaiia entsiklopedia 1900–1917*, comp. by A. D. Stepanov, A. A. Ivanov, pp. 462–465 (Moscow, 2008). (In Russian)
- Stepanov S. A. *The Black Hundred. What have they done for the greatness of Russia?* (Moscow, 2013). (In Russian)
- Stogov D. I. 'The Russian right periodic seal in the years of the First World War', *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, vol. 4, no. 1, 2011, pp. 101–112. (In Russian)
- Stogov D. I. *The Black Hundreds: Life and death for Great Russia* (Moscow, 2012). (In Russian)

Received: September 15, 2024

Accepted: January 15, 2025